

НГ СЦЕНАРИИ
24.04.2018 00:01:05

Россия как техногенное общество. В нем даже время течет по-другому

Юрий Соломонов

В техногенном обществе человек активен, деятелен и открыт миру. Иллюстрация Depositphotos/PhotoXPress.ru

На вопросы ответственного редактора приложения «НГ-сценарии» Юрия СОЛОМОНОВА отвечает известный ученый, академик РАН, почетный директор Института философии РАН Вячеслав СТЕПИН.

– В наши дни многие отмечают, что современная цивилизация находится на переломе, в стадии неустойчивого развития, нарастания различных типов кризисов. Об этом говорят и пишут философы, политологи, социологи, журналисты. Как эта тематика интерпретируется с позиций вашей концепции типов цивилизационного развития?

– Состояние неустойчивости, обострения кризисов глобального масштаба является своего рода индикатором грядущих качественных перемен в развитии современной цивилизации. Вопрос состоит в том, насколько кардинальными могут быть такого рода перемены.

Ответ на этот вопрос предполагает применение соответствующего теоретического и методологического инструментария. В качестве такого инструментария чаще всего

используют стандартный цивилизационный подход (А. Тойнби, Н. Данилевский и др.), согласно которому выделены возникающие в истории конкретные виды цивилизации. Каждая из них характеризуется своим культурно-генетическим кодом, на основе которого она воспроизводится, проходя стадии зарождения, расцвета, упадка и умирания.

Для анализа современных глобальных изменений этого подхода недостаточно. Необходимо его обобщение, а для этого требуется ввести понятие «тип цивилизационного развития».

– Какие конкретно типы цивилизационного развития вы выделяете? Каковы их отличительные признаки? Как они взаимодействуют между собой?

– В истории человечества после того, как оно перешло от эпохи варварства к цивилизации, можно выделить два типа цивилизационного развития. Исторически первый – традиционалистский тип, и второй, который часто называют западным по региону возникновения, в наше время представлен не только странами Запада. Я называю эту цивилизацию техногенной, поскольку в ее развитии решающую роль играют постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных технологий, но и технологий социальных коммуникаций и социального управления.

Каждый из указанных типов включал в свой состав соответствующие виды цивилизаций, отличающиеся друг от друга видовой спецификой, но вместе с тем объединяемые общими типологическими признаками.

Идея типов цивилизационного развития предполагает выявление в культурно-генетических кодах различных видов цивилизаций некоторого инварианта, общего системообразующего ядра, которое объединяет цивилизации одного типа и отграничивает их от цивилизаций другого типа. В качестве такого рода объединяюще-разграничивающего ядра можно выделить ряд ключевых мировоззренческих универсалий (концептов, категорий) культуры, взаимосвязанных между собой и функционирующих в качестве базовых жизненных смыслов и ценностей каждого из типов цивилизационного развития. Это ядро представлено универсалиями: «человек», «природа», «деятельность», «традиции и новации», «личность», «рациональность», «власть». Со смыслами этих базовых универсалий, их пониманием и переживанием коррелированы смыслы других категорий культуры: свободы, справедливости, веры, добра и зла и т.п.

Понимание типологического ценностно-смыслового ядра, представленного базовыми универсалиями, радикально различно для традиционалистского и техногенного типа развития.

Экологическая катастрофа порой страшнее экономического кризиса. Фото Reuters

В культуре обществ, реализующих техногенный тип развития, доминирует понимание человека как деятельностного существа, преобразующего окружающий мир. Соответственно этому пониманию утверждается идеал креативной деятельности. По отношению к природе он предполагает противостояние человека как субъекта деятельности природным объектам, которые преобразуются в деятельности в новые объекты, удовлетворяющие человеческие потребности. Преобразующая деятельность призвана обеспечить расширяющийся контроль человека над природными процессами и его власть над природой.

Но культура традиционалистских обществ исходила из других, альтернативных пониманий места человека в мире и его взаимодействия с миром. Идеалом полагалась адаптация человека к сложившейся природной и социальной среде, его стремление включиться в качестве малой части в живое целое мироздания. Из форм его активности приоритет отдавался адаптивному поведению и репродуктивной деятельности, которая в противовес креативному действию ориентирует на воспроизводство уже известных технологий, апробированных многовековой традицией. Это, конечно, не означает, что в традиционных обществах не было технологических открытий. Они были, но распространялись медленно и не воспринимались как противостояние традиции.

Возможно, они так веселы потому, что у них рабовладельческого строя не было. Фото Reuters

Одним из выражений этой установки был знаменитый принцип древнекитайской культуры «у-вэй», который ориентировал на минимальное вмешательство в природные процессы, основанное на чувстве ритмов мира и гармонии. Известна древнекитайская притча, поясняющая, к чему приводит нарушение принципа «у-вэй». Нетерпеливый псевдомудрец решил ускорить рост злаков путем силового вмешательства. Он начал тянуть их за верхушки ростков и в результате вытянул их из грядки. Традиционалистским культурам были чужды идеал власти человека над природой и идеал креативной, преобразующей деятельности, призванной обеспечить эту власть.

Природа понималась в этих культурах как живой организм, в который в качестве составной части включен человек. И все его действия и поступки должны быть подчинены целому, не нарушая его гармонии.

– *Техногенному мышлению, как мне кажется, это не совсем понятно...*

– Да, в противоположность традиционным установкам в культуре техногенных обществ доминирующим становится понимание природы как преимущественно неорганического мира, который представляет особое, закономерно упорядоченное поле объектов, выступающих материалом и ресурсами для преобразующей деятельности. Предполагалось, что эти ресурсы безграничны и человек имеет возможность черпать их из природы неограниченно.

В системе главных жизненных смыслов техногенной цивилизации особое место занимает ценность инноваций и прогресса, чего тоже нет в традиционных обществах. Уместно напомнить древнее китайское изречение, которое в современном прочтении звучит примерно так: «Самая тяжелая участь – это жить в эпоху перемен». А для техногенной цивилизации изменение и прогресс становятся самоценностью. Она вроде двухколесного велосипеда, который тогда устойчив, когда движется, а как только остановится – упадет. Инновации здесь – главная ценность, тогда как в традиционалистских культурах главная ценность – это традиции, а инновации всегда контролировались традицией и маскировались под традицию.

С различием в оценке инноваций и традиций было связано представление о времени и переживание времени. В традиционалистских культурах золотой век всегда в прошлом, где жили герои, пророки, мудрецы, оставившие священные книги и заповеди, по которым должна строиться жизнь. В техногенной же культуре в соответствии с идеей прогресса будущее представляется как лучшая жизнь, чем в настоящем. Золотой век – в будущем (кстати, в русле именно этого понимания формировалась идея коммунизма).

Только в наши дни Карл Маркс сумел бы ощутить поступательное движение марксизма. Фото Reuters

Успех преобразующей деятельности, приводящий к социальному прогрессу, рассматривается в техногенной культуре как обусловленный знанием законов изменения объектов. Такое понимание органично увязывается с приоритетной ценностью научной рациональности, которая дает знание об этих законах. Научная рациональность в этом типе культуры выступает в системе человеческого знания доминантой, оказывает активное воздействие на все другие его формы. Наука создает свою картину мира, которая через систему образования усваивается людьми и формирует их менталитет. Что же касается традиционалистских культур, то картина мира здесь формируется прежде всего в системе религиозно-мифологических идей, а научные знания регулируются этими идеями.

Альтернативные смыслы вкладывались в техногенных и традиционалистских обществах в понимание личности. В традиционалистских обществах личность определена прежде всего через ее включенность в строго определенные (и часто от рождения заданные) семейно-клановые, кастовые и сословные отношения. Здесь быть личностью – это быть частью клана, касты, сословия. В техногенной же цивилизации доминирует иное понимание: в качестве ценностного приоритета утверждается идеал свободной индивидуальности, автономной личности, которая может включаться в различные социальные общности и обладает равными правами с другими. Только в контексте этого понимания формируется идея прав человека и идеал правового общества.

Наконец, среди ценностных приоритетов техногенной культуры можно выделить особое понимание власти. В традиционалистских культурах власть рассматривается только как власть человека над человеком, как отношение личной зависимости. В техногенной цивилизации эти отношения выступают лишь одним из аспектов понимания власти. Главное здесь – это власть человека над объектами. Причем объектами, на которые направлены силовые воздействия с целью господства над ними, выступают как природные, так и социальные системы. Человек, включенный в эти системы, предстает предметом властного манипулирования.

Техногенные общества длительное время сосуществовали с традиционалистскими, обгоняя их в развитии и оказывая на них всевозрастающее давление. Многие из

традиционалистских обществ были колонизированы, другие, чтобы сохранить свою самостоятельность, вынуждены были осуществлять догоняющие модернизации, основанные на заимствовании у развитых стран Запада технологий и системы образования. Такое заимствование всегда было связано с переносом пластов западной культуры на традиционалистскую почву. Ценности, обеспечивающие техногенный тип развития, сталкивались в этом процессе с традиционалистскими ценностями, модифицируя и трансформируя их.

В конечном итоге традиционные общества в ходе модернизации превращались в особый вариант техногенных обществ, сохранивших и адаптировавших к ценностному ядру техногенного типа развития некоторые аспекты и фрагменты традиционных ценностей.

– Но наверное, эти превращения в разных странах шли по-разному. Можно ли сравнить в этом смысле Европу и Азию?

– Процессы развертывались в Японии, Индии, Китае, в странах Латинской Америки. Эти же процессы отчетливо наблюдались и в истории России, которая осуществила несколько модернизационных эпох, основанных на трансплантации западного опыта. Наиболее крупные из них – реформы Петра I, Александра II и преобразования в нашей стране после Октябрьской революции, которые были ответом на исторический вызов – провести ускоренную индустриализацию страны.

Техногенная цивилизация дала человечеству множество достижений. Научно-технологический прогресс и экономический рост привели к новому качеству жизни, обеспечили возрастающий уровень потребления, медицинского обслуживания, увеличили среднюю продолжительность жизни. Но они породили и обостряющиеся глобальные кризисы – экологический кризис, антропологический кризис, растущие процессы отчуждения, изобретение все новых средств массового уничтожения, грозящих гибелью всему человечеству, – все это сопутствующие результаты техногенного типа развития.

– Но при таких проблемах и кризисах, вероятно, нужна смена стратегии развития?

– Да, обострение глобальных кризисов выдвигает проблему поиска новых стратегий развития. Эти стратегии предполагают переосмысление типологического ядра социокультурного генома современной цивилизации. А такое переосмысление, в свою очередь, является первым шагом на пути к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

Современные споры о стратегиях глобализации могут быть рассмотрены под этим углом зрения. Сценарий однополярного мира, предполагающий безусловную доминанту современных западных ценностей, нацелен на продолжение уже принятой стратегии техногенного развития, тогда как сценарий многополярного мира, где наряду с техногенными ценностями фигурируют сохранившиеся и адаптированные к ним некоторые фрагменты традиционалистских ментальностей, создает большие возможности для перехода к новому типу развития, стимулируя диалог культур и поиск новых ценностных ориентиров.

Сегодня особенно важно выделить и зафиксировать в качестве исходного рубежа этих поисков идеал сохранения человечества как особой подсистемы биосферы и самой

биосферы как целостной сложной развивающейся системы.

Мне уже не раз приходилось отмечать, что новые ценности ниоткуда извне не придут, они должны начать формироваться в недрах техногенной культуры, и важно отыскать точки их роста.

Внимательный анализ уже может обнаружить начавшиеся модернизации и трансформации ценностного ядра техногенного типа цивилизационного развития. Идеал ускоряющегося прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития, когда приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традицию, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию.

Экологический кризис заставляет по-новому осмыслить концепт «природа». В отличие от эпохи становления и индустриального развития техногенной цивилизации, когда окружающая человека природная среда воспринималась как неорганическое поле для преобразующей деятельности и как неограниченный резервуар ресурсов, наука уже в XX столетии сформировала альтернативное представление: окружающая нас природа – это живой организм, биосфера, глобальная экосистема, в которую включено человеческое общество в качестве особой подсистемы. Природная среда человеческого обитания не является неисчерпаемым резервуаром ресурсов для деятельности, многие типы таких ресурсов ограничены. Идеалу господства человека над природой противопоставляется идеал коэволюции общества и природы.

Эти новые образы природы и человеческой деятельности в чем-то перекликаются с традиционалистскими представлениями о природе как живом организме, хотя и не являются их простым повторением. Они – результат достижений науки, включенных в научную картину мира. Рациональное осмысление и усвоение этих представлений в рамках современной системы образования является необходимой предпосылкой для формирования экологического сознания. Но реализация этих предпосылок требует особых общественных усилий. Теоретически мы осознаем необходимость охраны окружающей среды, но в практических действиях часто исходим из прежних представлений. Это относится как к отдельным людям, так и к государствам. Развитые в экономическом отношении страны, перемещая производство своих корпораций в развивающиеся страны Азии и Африки, где дешевле рабочая сила, за редким исключением (Германия) не распространяют на них свое природоохранное законодательство. В результате загрязнение среды в планетарном масштабе только увеличивается.

– Это понятно, но что в таком случае надо делать по-другому, чтобы действительно произошли изменения?

– Осознание обществом необходимости природоохранных мер и экологической безопасности приводит в движение соответствующие социальные силы, которые наталкиваются на сопротивление других сил. Но без таких столкновений новые ценности и фундаментальные мировоззренческие смыслы не утверждаются в массовом сознании как понимание и как переживание человеком мира.

И еще об одной точке роста новых ценностей, которая трансформирует ценностные

основания техногенного типа цивилизационного развития. Речь идет об утверждении в науке конца XX – начала XXI века нового типа научной рациональности. Этот тип рациональности, который я предложил обозначить как постнеклассический, ориентирован на освоение сложных, развивающихся человекоразмерных систем (систем, включающих человека в качестве особого компонента). Такого рода системы становятся доминирующими объектами изучения и практического освоения на переднем крае современного научно-технологического развития.

Человеческая деятельность, направленная на познавательное и практическое освоение развивающихся систем, перестает быть только внешним воздействием на систему и превращается в особый компонент системы, который активизирует один из сценариев развития, повышая вероятность его реализации по отношению к другим сценариям.

Среди возможных сценариев развития системы возникают неблагоприятные и даже катастрофические для человека сценарии. Их необходимо обнаружить, оценить, чтобы по возможности избежать.

Эту функцию сегодня выполняет социально-этическая экспертиза научных программ и технологических проектов. Уже накоплен определенный опыт такой экспертизы. В ней принимают участие прежде всего ученые – специалисты соответствующей области естествознания и техники и ученые – представители социально-гуманитарных дисциплин. Этот научный кластер экспертного сообщества дополняется участием в экспертизе политиков, бизнесменов, общественных и религиозных деятелей.

Причем такое расширение сферы социально-этического контроля над научно-технологической деятельностью не только не создает препятствий для объективного исследования, а, наоборот, стимулирует его углубление и выступает условием его реализации.

Наконец, остановимся и на проблематизации присущих техногенной культуре смыслов концепта «власть». Эти смыслы, определяющие общественно-политический климат техногенных обществ, акцентируют понимание власти как контроля над объектом.

Во второй половине XX века властные функции управления обществом были центрированы на контроле за социальными институтами, их модернизацией и функционированием. Развитие демократии и прав человека в определенной мере обеспечивало обратную связь системы «общество–власть», включая контроль за властью со стороны общества. Но в конце XX – начале XXI века эта система стала разрушаться. Новые технологии обработки сознания масс людей открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляций с общественным сознанием со стороны анонимных социальных групп властной элиты, связанных с интересами финансовой олигархии и ее ролью в организации современного мирового рынка.

– При таком комплексе проблем, наверное, надо выбирать приоритеты?

– Пока применительно к этой ситуации еще не найдены точки роста новых ценностей, намечающие сценарии преодоления сегодняшних кризисов власти. Но сама проблематизация фундаментальных смыслов концепта «власть» также может быть расценена как своего рода индикатор начавшейся трансформации ценностей

техногенной культуры.

Сегодня решение проблемы формирования новой матрицы ценностей выступает условием перехода к новым стратегиям цивилизационного развития. Идея устойчивого развития цивилизации и преодоления глобальных кризисов не реализуема без выполнения этой задачи.